

Курс лекций по историческому материализму.

Л. Аксельрод (Ортодокс)

Аналогический метод в социологии.¹

Лекция IV.

Этот очерк разрешите начать с ответа на обращенный ко мне одним моим читателем вопрос, — почему я не подвергла критическому рассмотрению знаменитый Контовский закон трех стадий исторического развития. Отвечаю. Во-первых, мне кажется, что сделанные мною критические замечания общеметодологического характера включают в себя по существу критическую оценку известного закона. Во-вторых, Контовский закон трех стадий критически рассмотрен в социологической литературе с многих сторон различными представителями социологической мысли. В-третьих, характеристика и объяснение хода и развития мировой истории сменой мировоззрений, — теологического, метафизического и позитивного, являясь по своему внутреннему содержанию идеалистическим истолкованием истории, будет в общем виде подвергаться критике на всем протяжении моего курса. Вот те мотивы, под влиянием которых я не считала нужным специально останавливаться на так называемом законе трех стадий, который сводится к идеалистической формуле — *бытие определяется сознанием*.

Тем не менее, раз вопрос поставлен, то приходится, естественно, считаться с ним по существу, т.-е. коснуться специально контовского идеалистического истолкования процесса исторического развития.

Как уже отмечено, существует довольно обширная критика, посвященная закону трех стадий. Критика эта, на мой взгляд, — почти что исчерпывающая вопрос. Но наиболее сильными и наиболее попадающими в цель доводами против этого закона являются доводы Вл. Соловьева, на которых и остановимся прежде всего. Сочувствуя Конту в его конечных религиозных выводах, русский философ ехидно указывает на тот интересный факт, что собственное развитие автора «Курса позитивной философии» нашло свое окончательное завершение не в позитивизме, а в религии. Уже один этот факт заслуживает серьезного внимания и может, по мнению Вл. Соловьева, служить одним из внушительных доказательств против контовского философско-исторического обобщения.

Дело в том, что Конт строит эту свою историческую теорию прогресса — по аналогии и в зависимой связи от процесса индивидуального развития. С точки зрения знаменитого позитивиста, путь духовного роста индивидуума совершается начиная теологическим моментом и, пройдя через метафизически отвлеченное мышление, заканчивается научным, т.-е., по терминологии Конта, позитивистским мировоззрением.

По тому же пути совершается общее развитие мировой истории. Но, как справедливо указывает Вл. Соловьев, процесс духовного развития и духовного

¹ «Красная новь», 1923, № 6 (16), стр. 215-228.

совершенствования у самого Конта совершался в обратном порядке. В эпоху его молодости, тогда, когда он работал под непосредственным руководством своего великого учителя С. Симона, знаменитый ученик был решительным, фанатическим позитивистом, резко отвергавшим религиозные тенденции С. Симона. К этому доводу Вл. Соловьева можно прибавить еще и тот несомненный факт, что не один Конт, а значительное количество мыслителей прошедшего и даже настоящего времени совершали и совершают свой путь духовной жизни в противоположном контовской схеме направлении, идя от позитивизма чрез метафизику к религии.

Но этим возражением, как бы сильно и внушительно оно ни было, не исчерпывается критика контовского построения. И этим возражением не ограничивается и Вл. Соловьев. Если допустить, справедливо рассуждает Вл. Соловьев, вместе с Контом полную аналогию между индивидуальным и историческим духовным развитием, то следует заметить, что первоначальное состояние ребенка вовсе не характеризуется преобладанием теологических или фетишистских представлений. Чтобы объяснить явления окружающего мира, как произведение невидимых духовных деятелей, нужно предварительно пройти через очень сложные умственные процессы, которые на высших стадиях развития представляются весьма простыми и элементарными. Состояние ума грудного ребенка подходит более к позитивизму, если определить последний вместе с Контом, как ограничение всего познания областью чувственных фактов. Затем, с пробуждением и развитием сознания под влиянием дара слова, следует метафизический период детства, когда мышление ребенка определяется главным образом категориями субстанции, причинности и цели. Всем известны вопросы детей — *откуда, почему, зачем*, те вопросы, прибавляю я, благодаря которым французы называют ребенка этого возраста "*m-g rouiqoi*". А за детской пытливостью нередко наступает отроческая религиозность. Этим, однако, думает Вл. Соловьев, дело не заканчивается. Указанные Контом периоды могут повториться и нередко повторяются и в обратном порядке. Так называемый позитивизм зрелого возраста отличается более практическим характером, нежели теоретическим обоснованием мировоззрения. Переходя далее к истории человечества, Вл. Соловьев справедливо указывает на то, что целый и законченный круг развития метафизики (греческая философия), вместо того, чтобы следовать за окончанием теологической стадии (как того требует закон Конта), напротив, предваряет на много веков эпоху господства теологии средневековья. Только с XV столетия закон трех стадий как будто входит в силу. Ибо за господством теологии следует развитие и господство новой метафизики и сменившей ее положительной науки. Но и на этом цикле историческое развитие мировоззрения отнюдь не заканчивается, так как после периода позитивизма, мы снова видим расцвет метафизики и т. д. Все эти соображения русского мыслителя бьют в цель, но к ним, раз уже речь идет о Контовском законе, надо прибавить, что и Конт, открывший этот так называемый закон, и контисты, а также противники этого закона, в том числе и Вл. Соловьев, рассуждая об этом законе, имеют дело с высшей, самой квалифицированной интеллигенцией. Мне думается, что мировоззрение народных масс слагается иными путями. И если верно и тонко замечание Вл. Соловьева, что первая стадия развития ребенка может быть определена в духе позитивизма, то дальнейшая ступень развития детей народных масс вряд ли характеризуется

метафизическими моментами и сознательной религиозностью. Дети крестьян и рабочих не лишены, конечно, любознательности, но вопросы, с которыми они обращаются к окружающим их взрослым, носят преимущественно практический, конкретный характер. Эти вопросы касаются реальных окружающих вещей и их взаимоотношений. Они, эти вопросы, определяются не категорией субстанции и причинности, а имеют в виду категорию цели в непосредственно утилитарном значении. – *Зачем такое-то действие?* К чему служит тот или другой предмет? и т.д. Вопросы — откуда? почему? и зачем? в их отвлеченном метафизическом значении вопросы, которые приводят в восторг членов интеллигентской семьи, не встретили бы ни малейшего сочувствия и ни малейшего поощрения в крестьянской и рабочей семье, члены которой постоянно озабочены и подавлены тяжестью реальной действительности, и у которых нет времени вникать в смысл вопроса, лишенного конкретного, практического содержания. Да, в трудовой обстановке они не могут возникнуть в детской голове. Досуг и определенный минимум материального обеспечения культурными ценностями делают возможным развитие и культивирование философской детской любознательности.

Размышления этого порядка и в голову не приходят мыслителям, являющимся идеологами высших, привилегированных классов. Когда у них речь идет о человеческой индивидуальности, то этой индивидуальностью оказывается всегда и неизменно человек, вышедший из привилегированного класса. В таком методологическом подходе чрезвычайно ярко сказывается психология и способ мышления идеолога высших господствующих сословий. Если бы Конт судил о позитивистском характере своей эпохи не по умственному состоянию кружка крупных ученых, которым он читал свой «Курс позитивной философии», а спросил бы себя, какое мировоззрение исповедывало французское крестьянство и большинство рабочих 20-х годов XIX столетия, знаменитая триада потерпела бы полное крушение. Ибо крестьяне и рабочие Франции эпохи Конта в большинстве своем находились, без всякого сомнения, на теологической стадии развития, проникнутой первобытным фетишизмом. В том-то и беда и прямо непостижимое заблуждение идеалистических толкователей исторического хода развития, что они бессознательно, в силу вкоренившейся привычки, отождествляют количественно ничтожную часть человечества, незначительную группу мировой интеллигенции, со всем человечеством в его великом, безбрежном целом. Это вкоренившееся, неистребимое заблуждение является также основой философско-исторической формулы О. Конта.

Впрочем, необходимо тут же отметить, что сам Конт чувствовал несостоятельность и, если можно так выразиться, тесноту своего объяснения исторического хода вещей. Испытав на себе сильное влияние С. Симона, который, как известно, придавал огромное значение экономическим отношениям и в первую голову промышленности, Конт вынужден был признаться, что его теория не совсем применима к периоду, продолжавшемуся от XIV столетия до его времени. В течение этого исторического периода, думает Конт, не только идея, а также промышленность обуславливала собою социальное развитие. Какой же, спрашивается, вес может иметь философско-историческая теория, которая бессильна объяснить не более, не менее, как шесть столетий исторической жизни? Ясно, что, по существу дела, — решительно никакого.

На этом покончим наши критические замечания по поводу формулы Конта, повторяя, что подробное рассмотрение влияния идей в историческом процессе развития — впереди.

А теперь перейдем к изложению главных основ социологии продолжателя Конта Герберта Спенсера.

Органическая теория Герберта Спенсера пользуется такой известностью у значительной части читающей публики, что изложение ее принципов может показаться излишним. Но в интересах критики и конечной критической оценки этой господствующей в буржуазной социологии теории такое изложение безусловно необходимо. Думаю также, что старое правило *repetio est mater studiorum* всегда сохраняет свое значение. Прибавляю к тому же, что очень часто популярные теории именно благодаря своей популярности *по существу* плохо усвоены.

Во второй части I тома «Оснований социологии» Спенсер старается определить свое отношение к своим предшественникам. Это определение четко выявляет существенные черты органической теории. Остановимся на нем.

Своими предшественниками Спенсер считает Платона, Гоббса и Конта. Но, считая этих мыслителей своими предшественниками, он не разделяет их социологических воззрений в главной их основе. «В «Республике» Платона, — говорит Спенсер, — Сократ утверждает, что государства таковы, каковы люди, ибо в основании их лежат людские характеры». Это утверждение представляется Спенсеру непонятым до сих пор в его настоящем значении. Разделяя вполне эту истину, Спенсер продолжает: «разделение труда описывается в этом сочинении («Республика» Платона. А.), как общественная необходимость, но оно изображается скорее, как порядок, который следует установить, чем устанавливающийся сам собою». Очевидно, следовательно, что, с точки зрения Спенсера, государство не устанавливается сознательным способом, а вырастает, как нечто органическое, естественным путем слагаясь из человеческих характеров. Признавая далее сходство между своей общественной теорией и социальным учением Гоббса, Спенсер подчеркивает решительно свои разногласия и с этим мыслителем. «Подобно Платону, — рассуждает Спенсер, — Гоббс смотрит на общественную организацию, как на искусственную, так как он вводит понятие об общественном договоре, у которого будто бы берут начала правительственные учреждения, который придает верховной власти ее неотъемлемый авторитет». Устанавливаемая Гоббсом аналогия между обществом и организмом принимается Спенсером во внимание, и на основании этой именно аналогии он причисляет себя к последователям Гоббса. Тем не менее Спенсер не солидарен с знаменитым английским материалистом. В чем же сущность их разногласия? Характеристика, которая дается Гоббсом своему учению, включает в себе ответ на этот вопрос. «Искусством, — рассуждает Гоббс, — сотворен тот великий Левиафан, которого называют обществом, народом (*Commonwealth*), государством, а по-латыни *civitas*, и который есть не что иное, как искусственный человек, хотя и превышающий по своим размерам и силе естественного человека, для охранения и защиты которого он придуман. Верховная власть есть его искусственная душа, придающая жизнь и движение всему телу. Судьи и другие чины судебного ведомства суть его искусственные сочленения; награды и наказания, понуждающие к действию и к

выполнению своей обязанности каждое сочленение и каждый член, связанный с седалищем верховной власти, — суть нервы, исполняющие ту же самую роль в естественном человеческом теле». Сравнение общества с организмом утверждается, таким образом, с полной сознательной точностью. Органическая теория общества, казалось бы, налицо, но Спенсер принимает учение Гоббса лишь наполовину и, с своей точки зрения, он совершенно прав. «Понятие Гоббса, — рассуждает Спенсер дальше, — только с одной стороны подходит ближе к действительно рациональному представлению». Чего же не хватает Спенсеру в формулировке Гоббса? Его не удовлетворяет учение об искусственном создании государственного устройства. Согласно учению Гоббса, государственное устройство сходствует с человеческим организмом. Тот факт, что именно с человеческим организмом, а не с организмом вообще, придает государству оттенок сознательности, сознательного созидания. По Спенсеру же, дело обстоит несколько иначе. Общество, по существу его учения, определяется сходством не с тем или другим организмом, а с *биологическим организмом вообще, как таковым*. «Общественная организация, — рассуждает Спенсер о только что приведенной характеристике государства у Гоббса, — приравнивается здесь к организации человека, а такая аналогия должна считаться слишком специальной». Половинчатость и неполноту Гоббсовского учения Спенсер объясняет недостаточной степенью развития биологии в эпоху великого автора «Левиафана». Но, благодаря крупным успехам биологии периода Конта, последний ближе подошел к пониманию сущности государственного строения. «Принадлежа, — читаем мы в «Основаниях социологии», — к более новому времени, когда биологи уже открыли и установили до очень значительной степени общие основания всякой организации, и когда было уже признано, что общественное устройство не создается искусственно, но постепенно развивается само собой, — Огюст Конт избег этих ошибок. Он не сравнивал общественного организма с каким-нибудь особым родом индивидуального организма, но утверждал просто, что основания организации одинаковы в обоих этих случаях. Он смотрел на каждую ступень общественного прогресса, как на следствие предшествовавших ступеней, и признавал, что развитие строения идет от общего к специальному». Значительны и важны в этой выдержке следующие утверждения: во-первых, признание Спенсера, что органическая теория явилась, с одной стороны, следствием развития биологии и, с другой — созревшей мысли об общественном развитии; во-вторых, интересно прямое заявление Спенсера, что он — продолжатель и, по существу дела, ученик Огюста Конта. Пока остановимся на втором положении. Будучи продолжателем и учеником Конта, Спенсер развивает учение, значительно отличное от теории своего учителя. «Он (Конт. А.), — заявляет решительно Спенсер, - не избег вполне старого ошибочного взгляда на учреждения, как на искусственные распоряжки, ибо, противореча самому себе, считал возможным для общества реорганизовываться на будущее время согласно с принципами его позитивной философии». Разногласие Спенсера с Контом начинается, таким образом, там, где речь идет о примеси искусственного элемента в государственном строительстве. Конт, стоя на точке зрения эволюции и развивая ту мысль, что социология является продолжением биологии, сравнивая дальше историческое развитие с развитием индивидуума, признавал тем не менее возможность реорганизации общественного

устройства соответственно идеалу позитивистской философии. Такая возможность отвергается Спенсером принципиально, т.е. в том смысле, что реорганизация государственного устройства, в какой бы то ни было форме, представляет собою утопию, противоречащую строго научному определению общества и теории его развития.

Действительно, научный метод в деле общественно-исторического исследования должен, с точки зрения Спенсера, исключить всякую возможность сознательного воздействия на исторический процесс.

Итак, определяемое Спенсером главное отличие его метода исследования от метода исследования его предшественников — Платона, Гоббса и Конта — заключается в том, что последние, сравнивая общество с организмом, допускали возможность общественной реорганизации, между тем, как, по мнению Спенсера, общество, подобно организму, не допускает никаких радикальных изменений путем планомерного сознательного воздействия. Посмотрим теперь, как обосновывает Спенсер свою строго выдержанную органическую теорию общества. Спенсер начинает свои теоретические исследования с правильно поставленного вопроса, — что такое общество? Этот вопрос должен быть разрешен с самого начала всякого социологического рассмотрения. Общество, как мы уже это видели из сопоставления взглядов Спенсера с воззрениями его предшественников, представляет собою, по мнению первого, организм. Это утверждение нам пока известно в чисто догматической форме. Спрашивается, следовательно, каким образом обосновывает глава органической теории эту последнюю. Начнем с следующей характерной, с нашей точки зрения, и нужной для наших последних выводов выдержки: «Решившись, — читаем в «Основаниях социологии», — смотреть на общество, как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь, что же это за предмет? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств.

Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, но может быть открыто только путем рассуждения. Коль скоро общество становится особым, индивидуальным бытием, в силу постоянства отношения между его составными частями, то у нас сейчас же является вопрос — не представляют ли эти отношения между его частями каких-нибудь сходств с постоянными отношениями между частями, замечаемыми нами в каких-либо других бытиях? Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в *параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей*».

Здесь утверждаются весьма важные методологические положения. Общество, не являясь чувственно воспринимаемым предметом, не может само по себе стать объектом научного исследования. Для того, чтобы оно стало таковым, оно должно быть сравниваемо с предметом чувственного восприятия, и далее, лишь на основании сравнения постоянства отношений — в обществе и в чувственно воспринимаемых предметах является возможность исследовать общество, как предмет. Метод Спенсера может, таким образом, быть назван методом аналогическим. С каким же предметом, спрашивается, является возможным сравнивать общество? Существуют два большие класса агрегатов, с

которыми представляется возможность сравнивать общественный агрегат: класс агрегатов неорганических и класс агрегатов органических. Встает вопрос — представляют ли отличительные свойства общества сходство со свойствами неживого тела, или же эти свойства сходны в каких-либо отношениях со свойствами живого организма? Стоит только, — рассуждает Спенсер, — поставить первый из этих вопросов, чтобы немедленно дать на него отрицательный ответ. Общество, состоящее из живых существ, не может по своим общим свойствам походить на неживое тело. Что же касается второго вопроса — о сходстве общества с живым организмом, то нет возможности решить его без тщательного анализа *постоянства* взаимоотношений в обществе и *постоянства* взаимоотношений в живом организме. И тот и другой род взаимоотношений должны быть определены и сопоставлены. Лишь на основании этого взаимного сопоставления явится возможность вывести законы общественного развития. Исследованию этой параллели отводится в «Основаниях социологии» вся теоретическая часть. Последуем за Спенсером. Первым важнейшим отличительным свойством как общества, так и живого тела является рост. Это есть главная черта, в силу которой общество сходствует с органическим телом и вследствие которой оно существенно отличается от мира неорганического. Другая отличительная черта и человеческих обществ и живых существ состоит в том, что наряду с увеличением размеров наблюдается увеличение сложности в их строении. Низшие животные или зародыши высшего обладают лишь немногими отличными друг от друга частями. Но, с увеличением общей массы тела, число таких частей увеличивается, при чем в то же время части дифференцируются одна от другой. Тот же самый процесс мы наблюдаем в ходе общественного развития. Вначале различия между разными группами весьма незначительны как количественно, так и качественно. Но, с ростом народонаселения в данном коллективе, общественные разделения и подразделения становятся и более многочисленными и более определенными. Помимо этого, как в общественном, так и в индивидуальном организме дальнейший ход дифференциации прекращается только с завершением типа, определяющим собою зрелый возраст. Это важнейшее и существенное сходство, — утверждает Спенсер, — выступает с наибольшей четкостью, если обратить внимание на тот факт, что развитие «структурной дифференциации» сопровождается в обоих случаях растущей дифференциацией в отправлениях. По мере увеличения числа отделов, на которые распадается общая масса тела развивающегося животного, эти отделы становятся все более и более несходными между собою и не без основания, то-есть вполне целесообразно. Разнообразие в их наружных формах, а также во внутреннем строении обуславливает собой и разнообразие тех действий, которые ими выполняются. Они вырастают в несходные органы, имеющие различные отправления. Пищеварительная система, принимая на себя, в зависимости от ее структурных особенностей, сполна всю функцию всасывания питательных веществ, распадается постепенно на отдельные отличные друг от друга системы. Каждая из них выполняет свою определенную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. То же самое можно сказать и о тех частях, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс является не только отличным от остальных, но он исполняет особенную функцию,

беря на себя контроль над действиями остальных групп. Когда же этот господствующий класс распадается далее на подклассы, одни из которых обладают большей, а другие меньшей степенью господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый совершенно особую часть контроля. В классах подчиненных можно наблюдать то же самое явление. Далее Спенсер развивает и с особенной силой подчеркивает ту важнейшую мысль, что как в органическом мире, так точно в социально-политическом коллективе процесс разделения на функции совершается, как единое и связанное целое, точнее, что возникающие функции находятся в теснейшей органической связи в обеих областях в совершенно одинаковой степени. *«И у тех, и у других (в животных и в общественных организмах. А.), — подчеркивает Спенсер, — развитие вызывает не простое различие, но различия, определенно связанные друг с другом, то-есть такие различия, из которых каждое делает возможным остальные. Это важнейшее положение подтверждается на параллелях конкретного характера. Аналогия между организмом и обществом выводится Спенсером не только на основании крупных общих черт их состояний, но также и частных. В отличие от неорганических тел, увеличивающихся только в своем объеме, не изменяя своего общего внутреннего строения (так, например, растут минералы путем последовательной инкрустации), органические тела не только увеличиваются в своем объеме, но параллельно с ростом усложняются, расчленяясь все более и более, стремясь к прогрессивной дифференциации своих органов и функций. Решительно то же самое мы наблюдаем в процессах развития человеческого общества. Прimitивные общества совершенно недифференцированы. Каждый член в них одновременно и воин, и охотник, и рыбак, лекари — вместе с тем прорицатели и заклинатели духов. Совершенно так же и у низших организмов, у которых отсутствуют специальные органы питания, движения, дыхания и т. д. Затем в процессе развития животного организма приближение к высшим органическим формам определяется появлением новых органов, из которых каждый предназначается к выполнению особой самостоятельной функции. То же самое мы замечаем в переходе человеческого общества от низших к высшим формам, которые определяются образованием специализированных социальных органов, выполняющих особые функции. Создаются, таким образом, специальные органы — питания (земледелие и промышленность), социального кровообращения (торговля), социальной защиты (полиция, правовая охрана, войско, война и т. д.). Но это еще не все. Наиболее отличительной чертой животного организма, обладающего различными специализированными органами, является внутренняя имманентная связь между функциями. Абсолютная зависимость их друг от друга приводит к тому, что прекращение одной функции вызывает с неизбежной необходимостью прекращение многих других. Как только сердце перестает биться, — легкие перестают дышать, мозг — мыслить, нервы — вибрировать и т. д. Такая же строго имманентная связь наблюдается между органами общественного коллектива. Когда не хватает, например, каменного угля, может остановиться транспорт, остановка транспорта обуславливает собою в зависимости от места повышение или понижение цен на продукты первой необходимости и прочие продукты вообще. Это же явление связано с целым рядом других явлений, составляющих длинную цепь, другой конец которой может оказаться на весьма большом расстоянии от*

исходного пункта. Сам Спенсер, оперируя явлениями капиталистического развития, иллюстрирует это положение такими конкретными примерами: рабочие по железу, — говорит Спенсер, — должны прекратить свою деятельность, коль скоро рудокопы перестают снабжать их нужными материалами. Портные не могут заниматься своим делом при отсутствии прядильщиков и ткачей, мануфактурные круги вынуждены приостановить свои работы, коль скоро группа людей, занимающаяся производством и распределением пищи, прекратит свою деятельность и т. д., и т. д. И подобно тому, как в животном организме общая зависимость, имманентная связь функций тем сильнее и заметнее, чем более развит этот организм, точно так же и в общественном организме, вместе с развитием последнего, растет и крепнет указанная нерасторжимая связь.

Аналогия идет все дальше и дальше. Жизнь животного организма, — продолжает Спенсер, — оставляя в стороне случаи исключительных катастроф, продолжительнее, чем жизнь отдельных его частей. Клеточки разрушаются и вновь производятся, органы возобновляются, а организм продолжает существовать. Точно так же жизнь общественного коллектива продолжительнее его клеточек, т.-е. отдельных людей, из которых он состоит; в то время как поколение за поколением сходит с мировой арены жизни, образуя собою кладбище, общество, как таковое, живет тысячелетиями и во всяком случае исчезает не ранее, как по прошествии нескольких веков.

Отмечу дальше еще одну весьма отличительную черту для спенсеровой аналогической теории. В животном организме имеются тройного рода ткани. Первая из них предоставлена непосредственному воздействию внешней среды, имея своим назначением извлекать из воздуха полезные для организма элементы, отделяя вредные; это — внешняя ткань (экзодерма). Вторая воспринимает предназначенные для усвоения элементы, перерабатывает их; это — внутренняя ткань (эндодерма). Между этими двумя тканями расположена третья; это — средняя ткань (мезодерма), состоящая из кровеносных сосудов. В общественном коллективе внешней ткани вполне соответствует класс военных и судей, служащих защитой; внутренней ткани — класс земледельцев и промышленников, оставляющих коллективу питательные средства к существованию, и средний класс — торговый, который занимается распределением. Равным образом, подобно тому, как в животном организме из внешне-покровной системы при дальнейшем развитии образуется нервная система, так и в общественном коллективе из военной касты создается правящий класс. Точно так, как в процессе органического развития внешняя ткань постепенно теряет свое значение сравнительно с обоими остальными, так и в общественном организме значение военного класса постепенно падает в сравнении с классом промышленным и торговым. Человеческое общество совершает, таким образом, свое поступательное движение, идя неуклонно от военного состояния к состоянию промышленному. И по мере того, как общественный коллектив удаляется от форм общежития первобытных, исключительно воинствующих племен, он все более и более приближается к социальной форме, при которой деятельность отдельной личности будет развиваться свободно и беспрепятственно под охраной внешнего мира.

В общих и главных чертах я представила изложение органической теории Спенсера, имея в виду, главным образом, его аналогический метод. Приведенные

здесь параллели для иллюстрации аналогического метода мне представляются вполне достаточными. К некоторым положениям нам, вероятно, придется возвращаться при критике, но пока считаю все же нужным прибавить, что Спенсер в развитии и обосновании своего метода углубляется подчас с нестерпимым терпением английского эмпирика в самые мельчайшие подробности. «Чтобы видеть еще яснее, — заявляет мыслитель, — каким образом жизнь целого слагается из комбинации деятельности его составных частей, находящихся в тесной взаимной зависимости, и каким образом отсюда вытекает несомненный параллелизм между национальной жизнью и индивидуальной, — следует обратить внимание на тот факт, что жизнь каждого отдельного организма слагается из жизни крошечных единиц, слишком мелких для того, чтобы быть видимыми невооруженным глазом». Автор органической теории не останавливается перед этим, вооружает глаз и погружается окончательно в микроскопические детали. Результат везде один и тот же: *общество или государство есть организм, не отличающийся в главных основах от животного организма.*

Обычная критика органической теории выдвигала в качестве главного довода против Спенсера два существенных различия между животным организмом и общественным коллективом. Указанная в столь многих отношениях аналогия между индивидуальным и социальным организмом не может уничтожить двух существенных особенностей, которыми эти организмы друг от друга отличаются. Во-первых, животный организм состоит из нераздельно связанных между собой частей, в то время как социальный коллектив является совокупностью самостоятельных, друг от друга отделимых индивидуумов. Клеточка не может отделиться от другой, с которой она неразрывно связана, она не может покинуть свой агрегат, тогда как социальная клеточка — человек — может удалиться от других себе подобных клеточек, от своих сограждан; он имеет возможность переселиться, может быть изгнан из своей страны в другие отдаленные страны, может, наконец, путем самоубийства даже произвольно уничтожить свою индивидуальность. Во-вторых, в животном организме имеются органы, воспринимающие и познающие, и органы, этим качеством не обладающие. В общественном же организме, напротив, не существует никакой монополии восприятия или познания отдельных индивидуумов и общественных групп. Способность эта распределяется между всеми членами общества. Поэтому, в то время как в животном организме способность восприятия и познания концентрируется в специальной, более или менее ограниченной области — в социальном коллективе она рассеянно распространяется на весь коллектив. Эти с виду вполне веские возражения, которые, повторяю, приводятся большинством критиков органической теории, не вполне основательны по той простой причине, что сам Спенсер указывает на эти различия, считается с ними и все же приходит к окончательному заключению, что по основному существу общество все-таки не отличается от животного организма. Снова заглянем в «Основания социологии». § 220 гласит: «от этих сходств между социальным и индивидуальным организмом мы должны обратиться к рассмотрению тех крайних несходств, которые существуют между ними. Все части животного образуют одно конкретное целое, но части, составляющие общество, образуют такое целое, которое должно считаться раздельным. Живые единицы, составляющие собою животное, тесно

связаны между собою и находятся в непосредственном или почти непосредственном соприкосновении друг с другом, тогда как живые единицы, составляющие собою общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении, но рассеяны более или менее далеко друг от друга. Каким же образом можно толковать после этого о каком-либо параллелизме?». Спенсер говорит, следовательно, решительно то же самое, что сказано его критиками. Но, указывая на эти различия, Спенсер старается авансом опровергнуть возможные возражения. Доводы, преодолевающие это различие, следующие. Физически непрерывное тело животного не состоит повсюду из живых единиц, а состоит в значительной степени из обособившихся частей, которые были образованы в начале жизнедеятельности частями, но впоследствии сделались полуживыми или даже стали вовсе безжизненными. Протоплазматический слой, лежащий под кожей, состоит действительно из живых единиц, но образующиеся в нем клетки, переходя в эпителиальные чешуйки, превращаются в инертный охранительный аппарат. Затем Спенсер делает указание на нечувствительные ногти, волосы, рога и зубы, образующиеся из этого слоя. К сказанному можно еще прибавить и то, что, хотя эти образования и суть составные части организма, однако же они едва ли могут быть названы его живыми частями и могут, следовательно, быть отдалены и удалены. Следуя далее по этому же пути, Спенсер замечает, что и во всех других частях организма существуют такие протоплазматические слои, из которых вырастают ткани, слагающиеся в различные органы, что эти слои одни только остаются вполне живыми, между тем как развивающиеся из них аппараты теряют свою жизненность, пропорционально степени своей специализации. В подтверждение этого, Спенсер ссылается на хрящи, связки, соединительную ткань, обнаруживающие весьма заметным образом низкую степень присущей им жизненности. Заключение, вытекающее отсюда, то, что хотя тело животного представляет собою непрерывное целое, тем не менее его существенные единицы, рассматриваемые сами по себе, образуют такое непрерывное целое только там, где мы находим протоплазматические слои. Так обстоит дело относительно имманентной целостности животного организма. К этой аргументации можно было бы еще прибавить, что современные исследования по биологии могут дать Спенсеру в защиту этого его положения значительное количество фактов. С другой стороны, социальный коллектив, при правильном и более углубленном к нему отношении, представляется несравненно менее "прерывистым" или раздельным, нежели это может казаться на первый взгляд. Аргументация в этой части параллели является наиболее интересной. Спенсер подчеркивает то обстоятельство, что и в общественном коллективе также наблюдается рядом с жизненными составными частями, определяющими собою главным образом общественные явления, и менее жизненные элементы, играющие в нем весьма видную роль и оказывающие человечеству большое содействие в его борьбе за существование. К менее жизненным элементам Спенсер относит животных, а также растения. Стоящие ниже в органической цепи как животные, так и растения имеют, конечно, для человеческой жизни значение, не поддающееся даже учету.

В защиту этого положения Спенсер указывает на то влияние, которое оказывают низшие классы организмов, сосуществующие с людьми в общественном коллективе. Как животные, так и растения влияют на склад и деятельность

общественных групп в различных и важных случаях. Различные, например, особенности пастушеского типа обуславливаются родом воспитываемых животных. В оседлом обществе растения, служащие пищей, материалом для ряжи, тканей и пр., определяют собою те или иные особенности общественного склада, те или иные формы общественной деятельности. Эти мысли весьма замечательны. Чрезвычайно интересен и несомненно справедлив взгляд на влияние животных и растений, служащих средством к существованию, на так называемую человеческую природу. Идя этим путем, Спенсер мог бы с большим успехом указать на значение орудий производства, как на цементирующее начало всего общественного коллектива. Орудия же производства являются не живыми органами, а искусственными. Но такой оборот небезопасен для органической теории, ибо пришлось бы тогда признать, что общественный коллектив покоится на совершенно другом фундаменте, или, точнее, что он имеет фундамент, которого, как мы увидим в дальнейшем изложении, вообще лишена органическая теория. Но не будем забегать вперед. Перейдем к другому возражению.

Что касается второго, выше отмеченного возражения, то критики, делая его, ошибаются вдвойне. Спенсер, как и в первом разобранным случае, сам отмечает различие между животным организмом и социальным коллективом. Более того, это различие имеет в его учении особенное, большое и принципиальное значение. Об этом различии Спенсер пишет: «Хотя раздельность социального организма не препятствует разделению отправления и взаимной зависимости частей, однако она не позволяет подобной дифференциации дойти до такого предела, чтобы одна часть сделалась органом чувств и мыслей, а остальные части, взамен того, утратили совершенно всякую чувствительность». Но в социальном организме мы видим иное. «Его составные единицы, не находясь в непосредственном соприкосновении и будучи удерживаемы в своих относительных положениях с меньшей строгостью, не могут дифференцироваться в такой мере, чтобы одни из них стали совсем бесчувственными, а другие монополизировали себе всякое сознание". Как видите, Спенсер сам подчеркивает это основное различие и не только подчеркивает его, но, как уже упомянуто, делает на основании этого различия важное заключение. Из того факта, что чувственное восприятие и сознание в социальном коллективе, в отличие от индивидуального организма, "разлито по всему организму", что все единицы, составляющие его, способны чувствовать наслаждение и страдание, если не в равной мере, то приблизительно одинаково, Спенсер выводит свою теорию государства. Резюмируя результат исследования указанного различия, Спенсер заключает: «Следовательно, тут не существует ничего похожего на какое-либо *«средоточие общественного чувства»* (Social Sensorium), а потому благосостояние агрегата, рассматриваемое независимо от благосостояния составляющих его единиц, никогда не может считаться целью общественных стремлений. *Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества* (подчеркнуто мною). Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата, сами по себе, суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой они воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц". С этим важным выводом мы будем иметь дело при критике метода органической теории. Теперь же укажем, что в этом как-

раз пункте Спенсер больше всего расходится со своим учителем Контом. С точки зрения Конта, единица общественного коллектива есть абстракция, истинно конкретным является человечество в своем социальном историческом целом; Спенсер же, оставаясь на почве строгого номинализма и позитивизма, считает, например, истинно конкретным и действительным лишь единицы, входящие в состав общества. На этом закончим сегодняшнюю лекцию. Следующее чтение будет посвящено общей формулировке задач и законов органической социологии, критике ее метода и общей критической оценке этого учения.